

Россия и Украина

Александр Кустарев

Спор славян между собою

Современные российско-украинские отношения являют характерный пример «братской вражды».

Россия и Украина много думают друг о друге. По данным одного из опросов ВЦИОМ, за событиями в Украине наблюдают 67% россиян, причем 15% из них постоянно, а 52% — время от времени. На наш взгляд, 15% — это весьма высокий уровень заинтересованности, не говоря уже об астрономических 67%. Молодежь интересуется украинскими делами меньше, чем старшее поколение: в возрастной группе 18–24 лет — 56%, старше 45 лет — 73%. Каждый второй россиянин уверен, что украинский народ движется в неправильном направлении, тогда как обратного мнения придерживаются 9%, при этом в непогрешимости своего мнения «абсолютно уверена лишь третья часть оптимистов — всего 3%» [«Взгляд» 29.07.2006]. Здесь важно, конечно, не то, как именно россияне оценивают украинские дела, а то, что у них есть потребность в такой оценке.

Как бы мы ни оценивали озабоченность Украиной простого российского обывателя, подсознание и сознание активной общественности в России Украиной сильно

озабочено — это факт. Украина и ее соотношение с Россией — важный сектор российской публицистики.

Одержимость же Украины Россией не просто очевидна, но долгое время заполняла и до сих пор почти полностью заполняет самоопределяющий украинский нарратив. Книга Л. Кучмы, как будто бы не самого образцового украинского националиста, так и называется: «Украина — не Россия» (2004 г.). Охарактеризовать свою страну каким-либо иным образом тогдашний украинский президент не сумел или не захотел. Если же он счел, что ничего другого просто не может себе позволить, — это еще более показательно.

Этническая близость украинцев и русских крайне заботит и тех, и других. По чисто объективным параметрам (на взгляд со стороны) русские и украинцы этнически ближе друг другу, чем, например, хорваты и сербы, немцы и австрийцы и даже жители Ломбардии и Сицилии, что совсем не так очевидно, особенно для посторонних.

Россия и Украина были «двуглавым гегемоном» в советском геополитическом конгломерате. Долгое совместное существование в рамках советского политического истэблшмента*, общая этнокультурная

* Целостное ядро, сложившееся в политическом руководстве СССР, вполне можно считать русско-украинским. Однако значительное присутствие украинского элемента в советской

компонента и активное перемешивание в эпоху индустриализации создали особую, вероятно, беспрецедентную в истории «этногеополитическую» пару со своеобразным, если не уникальным, модусом сосуществования. Пожалуй, ближе всего к ней англо-шотландская или англо-ирландская пары.

И Украина, и Россия имеют каждая двойную идентичность. Сами народы (этнические элиты) могут сколько угодно считать себя отдельными сущностями, но остаточная или, наоборот, приобретенная двойная идентичность все равно у них остается.

В случае Украины это особенно заметно. Как бы она ни настаивала на своей особой этнической сущности и неповторимой исторической судьбе, все равно весь мир и Россия воспринимают ее как «еще одну» Россию». Более того, она, по меньшей мере, подсознательно сама себя так воспринимает. Один из сборников украинской публицистики так и называется — «Две Руси» [Две Руси 2004]. Об амбивалентности сознания граждан Украины пишут многие исследователи [см., напр.: Riabchuk 2003].

«Зеркальный синдром» не чужд и России. Он маскируется тем, что русские, как будто бы, склонны считать украинцев такими же русскими, как они сами, и не признавать за ними статуса «отдельности». Но за этим нетрудно разглядеть более абстрактное представление о неразличимости русских и украинцев, которое можно обратить и в другую сторону: не только Украина — та же Россия, но и Россия — та же Украина, не так ли?

В свое время украинско-русский (русско-украинский) историк Н. Костомаров, размышляя над вопросом об этническом статусе славянских земель в составе империи Романовых, выдвинул версию «двух русских народов». Однако глубокая и в то же время лукавая новация Костомарова, хотя и воспроизводилась в разных вариациях (вспомним «Историю Украины-Руси» М. Грушевского), не понравилась ни сторонникам развития украинского этнического самосознания (включая того же Грушевского), ни петербургской бюрократии (до 1917 г.), пытавшейся строить русскую нацию одновременно по французскому («от государства») образцам [Западные окраины Российской империи 2006]. Первым казалось, что, переименовав себя из «украинцев» в «других русских», они откажутся от своей субстанции, а вместе с ней и от права на независимость (и даже на автономию). Вторые были до смерти напуганы осознанием того факта, что переименование украинцев из просто русских в «*других русских*» будет фактически означать признание их права на независимость.

Сегодня, когда слияние народности и государственности в особую матерью, именуемую «нацией», — будь то государственная нация (Staatsnation), культур-нация (Kulturnation) или народное (этническое) государство (Volkstaat), — не считается больше ни нормативно обязательным, ни достижимым на практике, идея Костомарова может быть трансформирована в идею двух

партократии, близкое этническое родство и перемешанный генофонд не являлись достаточными основаниями для сохранения единой русско-украинской государственности. Тем более нелепо считать их достаточным основанием для восстановления бывшего государственного единства (хотя я не утверждаю, что для этого нет и никогда не будет иных оснований). — *Прим. авт.*

русских государств, если не по названию, то по существу. Частичные аналоги этой коллизии существуют: Германия—Австрия, несколько англосаксонских (изначально и по языку) государств, Чехия—Словакия, Сербия—Хорватия. Будет еще Англия—Шотландия, если дело у них, в конце концов, дойдет до развода.

В одном государстве могут жить разные народы. В двух государствах может жить один народ. Долгое существование независимой геополитической общности благоприятно сказывается на культурной гомогенизации и обуславливает двойную идентичность граждан разной этнической принадлежности. То же самое происходит и с одним народом, разделенным на два государства: у него будут две идентичности.

Российско-украинские отношения можно охарактеризовать, по Р. Жирару, как «*миметическое соперничество*» («*rivalité mimétique*»). После терактов 11 сентября 2001 г. Жирар описывал суть своей теории так: «Неверно объяснять конфликт различиями. Конфликт на самом деле коренится в “конкуренции”, миметическом соперничестве живых существ, стран, культур. Конкуренция происходит от желания имитировать другого, чтобы добиться того же, что и другой, если понадобится, то насилуем. Конечно, корни терроризма приходят к нам из какого-то “иного” мира, но порождает терроризм не отличие того мира от нашего. Различия удаляют два мира друг от друга. Острое стремление быть таким же, как другой, совпасть с другим — вот что чревато терроризмом. Человеческие отношения — это в самой своей сущности отношения имитации, конкуренции...» [«Le Monde» 05.11.2001]. (Заметим, что универсальная теория конкуренции Жирара не предполагает, что два субъекта будут обязательно находиться в состоянии открытой вражды,

она лишь утверждает: если субъекты враждуют, то корни их устойчивой и интенсивной вражды нужно искать в их тождестве, а не в различии, хотя они сами настаивают на последнем. Российско-украинские отношения можно также охарактеризовать как «ревность» или «рессентимент» — обоюдный, а не односторонний, как предпочитают думать, в частности, российские обличители «украинства».)

В российско-украинских отношениях весьма силен статусно-престижный компонент. Основные темы престижно-статусного диалога двух государств как будто бы подтверждают теорию конкуренции Жирара. Во-первых, яблоком раздора является Киевская Русь. Кто ей наследует? Россия или Украина? В сущности, это спор о том, кто здесь «настоящие русские». Во-вторых, дискуссии разворачиваются вокруг самого имени «Русь» и этнонима «русские». Помимо «россиян» (по государству) на то же название претендуют и «украинцы» (теперь тоже по государству), и «русинь», у которых нет своего государства, но которые, кажется, имеют больше всех оснований так называться.

До распада СССР миметическое соперничество России и Украины маскировалось «освободительной» антисоветско-антиимперской риторикой, после распада оно проявилось в чистом виде. Обе страны озабочены не только своим «абсолютным» местом во всевозможных мировых рейтингах, но и тем, кто из них займет более высокую позицию. Второе даже, может быть, важнее первого: пусть мы будем предпоследними, только бы она (Украина) или она (Россия) была последней. В обзорах этих рейтингов Россия сравнивается, в первую очередь, именно с Украиной [см., например, комментарий к докладу Всемирного банка о качестве управления в разных

странах: «Ведомости» 16.07.2007]. «Третьими» участниками коллизии выступают мировая общественность и глобальные «авторитеты», особенно США и Евросоюз, которые присвоили себе (хотя и не без оснований) роль судей на всемирных конкурсах демократии, цивилизованности, соблюдения прав человека и пр. Они поощряют конкуренцию России и Украины как двух вариантов российства.

Миметическая конкуренция может быть либо плодотворной, либо разрушительной (в случае терроризма), либо бесплодной как для одного, так и для обоих участников. Многое зависит от того, в какой сфере происходит соперничество. КПД чисто экономической конкуренции выше, чем политической и престижно-статусной.

Экономическую конкуренцию гораздо легче совместить с кооперацией, чем политическую и престижно-статусную (последняя, пожалуй, исключает любую кооперацию). Реванш в экономической конкуренции, если она не подавлена победителем, поочереден и ведет к обновлению жизни, всеобщему обогащению и прогрессу.

Состязательность в политической сфере тоже может быть плодотворной, но эту возможность реализовать труднее: здесь результаты соревнования легко симулировать, и все может свестись именно к такой симуляции. В политике России и Украины симуляции сейчас в избытке. Например, Россия склонна выдавать свою фактическую однопартийность и нарастающую рутинность общественной жизни за высокий уровень структурной организации политической сферы, тогда как Украина пытается представить полную бессистемность своей партийно-политической жизни как проявление подлинного плюрализма.

Наконец, наиболее бесплодной и даже синергетически ущербной представ-

ляется престижная самоопределяющая конкуренция. Она сводится к постоянному повторению одного и того же (см. «как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), поскольку обе стороны, не достигая никаких результатов, всегда считают себя победителями, пуская в ход компенсаторные мифологии. В самом худшем случае престижная конкуренция ведет к насилию.

Основной инструмент престижной конкуренции — словопрения, основное поле — историография, точнее национальное предание или, как теперь принято говорить, «нарратив». Цель нарратива — доказать легитимность суверенной геополитики.

Образцы нарратива создавались в XIX в. первыми нациями-государствами, которые задним числом реконструировали свое длительное и героическое прошлое — процесс консолидации или освободительную борьбу. По этим образцам строились нарративы всех появившихся позднее государств. Считалось, что без нации нет государства, а без нарратива нет нации. В соответствии с этим шаблоном выстраивается и нынешний украинский нарратив, создание которого долго подавлялось и сильно запоздало.

По мучительно серьезному отношению к самому понятию «нация» Украина и Россия сейчас, видимо, не знают себе равных. Иногда возникает впечатление, что они одержимы переживанием своей «национальности» даже больше, чем Франция и Германия весь «длинный» XIX век (вплоть до Второй мировой войны). Именно украинец — Ольгерд Ипполит Бочковский — оказался наиболее последовательным представителем крайне эссенциалистского понимания нации [Бочковский 1918]. Он предложил методологически амбициозное понятие «на-

циология», которое теперь пропагандируют преимущественно российские авторы, что, конечно, весьма многозначительно.

Убеждать украинцев и русских, прежде всего их нарративно-активные этноинтеллигенции, в том, что нация — это миф (пусть инструментальный и даже имеющий тенденцию к актуализации), и что их собственные тотемические мифы, как и все другие, полны подтасовок, было бы бессмысленно. Настаивать на отказе гражданских общностей от какой бы то ни было эпической самоопределяющей мифологии — значит проявлять нормативно-моралистическое высокомерие. К тому же это нереалистично, поскольку конструирование тотемического мифа — важное жизнепроявление любой коллективности.

Надеяться можно только на то, что политическая жизнь России и Украины все-таки выйдет из тени анахронического пассаистского нарратива, который в начале XXI в. утратил функциональность и уже не годится в качестве парадигмы независимо от того, сколько в нем правды или лжи.

Только вперед

Украинский нарратив, построенный по шаблонам XIX в., нацелен на то, чтобы убедить самих украинцев и всех остальных в том, что украинская нация (протонация) существует издавна и имеет давнюю и весьма почтенную традицию государственности.

В свою очередь, критики Украины как геополитии считают, во-первых, что украинская этничность изобретена и «химерична» [см., напр.: Родин 2006]. Во-вторых, по Брестскому миру международно-признанная Украина — это то, что раньше называлось «правобережной Малороссией». Территория нынешней Украины в семь раз больше. Практически вся она сформировалась в

период существования СССР. Воспользовавшись результатами территориальной экспансии Российской империи и Советского Союза, Украина получила фактически «чужое», так как после распада Союза условные межреспубликанские границы были автоматически превращены в межгосударственные [см.: Афанасьева 2005: 26–29].

Эти доводы легко парировать. Согласно современным представлениям, любой этнос — это конструкт. Что касается территориальности, то три четверти существующих ныне геополитий (включая Россию) не органичны, а ситуативно-историчны. Единственное, но достаточное основание для их существования — международное признание. Вот если юго-восточная часть Украины (Новороссия), Крым или Галиция объявят себя независимыми либо захотят войти в состав России или Польши, если Россия затеет тяжбу по поводу легитимности превращения внутрисоветских административных границ в межгосударственные, то проблема возникнет на ином уровне, в иной плоскости и будет решаться по-иному — полюбовно или нет, с участием третьей стороны или нет и т.д. Пока же этого не произошло, разговаривать не о чем. Вы хотите иметь Эльзас-Лотарингию или Карабах? Нет? Тогда забудьте все «исторические» и этнографические аргументы.

Глубинно-исторический нарратив, фальсифицированный или правдивый, не спасет Украину, как не спасет и Россию и никакую геополитию вообще, если ее не цементирует что-то более актуальное (чтобы не сказать материальное), например, совместные успехи. Раньше это были войны, теперь многое другое — от экономической эффективности до побед на футбольных полях. Нарратив, который ситуативная общность навязывает самой себе, будет сидеть у нее на шее, как ведьма на шее

Хомы Брута, подсказывая доктринальные, а не рациональные политические решения и мешая поискам эффективной формулы прагматического гражданского единства.

Будущее новейших государственных общностей (геополитий) не зависит от их прошлого ни в правовом, ни в моральном, ни в техническом отношении. *Постмодерну государствену не нужна историческая глубина.* Это относится ко всем государствам, даже тем, которые материализовались до эпохи постмодерна. Франции, Англии, США, Китаю теперь приходится изобретать себя заново. Тот факт, что их история началась с какого-нибудь «надцатого» или с каменного века, не есть решающий довод в пользу дальнейшего существования этих государств.

Как справедливо утверждает украинский политолог В. Горский, «чем больше вы думаете о своем славном прошлом, тем труднее вам сладить с будущим» [обратный перевод с английского; см.: Lieven 1999: 139]. Неизвестно, кому адресована эта максима, но она, безусловно, подходит для любого постмодерного государства, какое бы у него ни было прошлое — славное, не очень славное, совсем не славное или вообще никакого.

«Прошлое» сегодняшней Украины — это роспуск Советского Союза, произошедший в результате тенденции к самораспаду этого огромного и слабосвязанного геополитического конгломерата (на неизбежность такого развития событий украинский националист Ю. Липа указывал еще в 1954 г. [Ліпа 1954]). Все остальное — археология и краеведение. Киевская Русь — это, вообще, считай, Карфаген или даже Атлантида. По поводу ближнего прошлого Украины возможна долгая казуистика, но она опасна для обеих сторон, и если это не совсем еще остывшая материя, то лучше позаботиться о

том, чтобы она как можно быстрее остыла, чем разогревать ее.

Для реальной политики столь же неинструментален культ национально-освободительного подвига, опять-таки независимо от того, преувеличен он или нет. Этот культ чреват иррациональным и убыточным для всех противостоянием между новейшими странами и теми, кого их национальный нарратив интерпретирует как бывших угнетателей. Не говоря уже о том, что он тормозит прагматическую активность новых геополитий, наркотизированных переживанием своей действительной или воображаемой победы.

В отличие от классических образцов территориального государства, постмодерные геополитии возникли в ходе материального наполнения *уже существующей глобальной системы, которую не они создали.* Они нуждаются не в пассаеистском, а в футурологическом нарративе или, если угодно, в проекте. Только в этом проекте новейшие государства, находящиеся на начальной стадии своего существования, могут воплотить свой суверенитет.

Широкие круги российской общественности и влиятельная часть политического истеблишмента только и ждут, чтобы украинский проект не состоялся — «rivalité mimétique». На наш взгляд, такая позиция России крайне неосторожна, поскольку срыв проекта «Украина» поставит ее саму перед головоломными проблемами — даже в том случае, если Киев вдруг захочет вернуться в лоно российско-украинского геополитического единства. Подобный поворот может привести к резкому усилению федералистской тенденции в рамках «двойной России». Пока российская общественность и партократия вряд ли отдадут себе отчет в том, в какую ловушку может угодить Москва.

Между тем нынешняя Россия — это тоже постмодерное государство, хотя и отягощенное институциями и политической культурой домодерного и модерного имперско-государственного существования. У нее самой нет никакого проекта. Ее повторное «самоизобретение» буксует в напрасных попытках оживить традиционную государственность. Мудрость индейцев *сиу* гласит: если ты заметил, что лошадь под тобой сдохла, самая лучшая стратегия — слезть с нее. Российская имперско-государственная традиция — дохлая лошадь.

Футурологический нарратив для новейших государств, конечно, конструктивнее, чем пассаистский. Или, если угодно, проект предпочтительнее исторического нарратива. Однако переход от пассаистского к футурологическому самоопределению — совсем не легкое дело, поскольку сам проект может оказаться не более чем футурологической стилизацией пассаистского нарратива.

Украину все наперебой предостерегают от такого проекта. Заметим, делают это без особой нужды, поскольку полиэтничное общество декларировано украинской конституцией: гражданами Украины признаются все, кто проживает на ее территории. В то же время проблема языка, по свидетельству ряда наблюдателей, там, как будто бы, никого особенно не волнует, и россияне легко примирятся даже с переходом на один государственный язык — украинский*. Культурная гомогенизация граждан будет идти в любом случае в той мере, в какой это необходимо для их совместной хозяйственной деятельности. (Впрочем, «культурпакет»

среднего гражданина сегодня настолько содержательнее, чем раньше, что без двойной идентичности все равно не обойтись. Так что рокового выбора между монокультурой и мультикультурой на самом деле нет. Мультикультура — не проект, она — факт.)

Проблемы, связанные с этнической неоднородностью и солидаристской мобилизацией, могут сильно обостриться, если геополития не предложит своим гражданам никакого другого проекта. Агрессивному патриотизму найдется множество объяснений, но достаточно помнить одно: это — самый простой способ заполнить политический вакуум. Как разговор о погоде, когда не о чем больше говорить.

В этом вакууме фактическая постмодерная поликультура может оказаться под давлением. Причем те, кто осуществляют это давление, находятся на самом верхнем этаже общественного сознания, там, где ситуация усиленно рефлексировается. Просвещеннейший гуру Т. Кузьо замечает: «если строительство нации не считается больше желательным и часто подвергается критике, то это ставит Украину в невыгодное положение» [Kuzio 2001: 475–48]. Иными словами, если *им* позволено проводить политику этнокультурной унификации, то почему это нельзя *нам*? Такое многозначительное вопрошание свидетельствует о полной растерянности элиты, зажатой между двумя авторитетными доктринами и еще не осознавшей того, что выход из ситуации лежит за пределами выбора одной из них.

Тенденция к уходу в пассаизм, стилизованный под футурологию, в России заметнее, чем в какой-либо другой геополитии.

* В российской публицистике нет единого мнения относительно официальной этнокультурной политики Киева. Одни авторы пишут о подавлении русской этнической компоненты, другие утверждают, что ничего особенного в этом плане не происходит. — *Прим. авт.*

Россия не меньше Украины подогревает в себе «национальное самосознание», предпочитая думать, что в прошлом, увлекшись своей имперской миссией, она не стала в достаточной мере «нацией» и теперь должна ликвидировать это «отставание», мобилизовавшись под крышей своей легендарной государственности*.

Чтобы избежать замаскированного пассаизма, необходима хорошо разработанная методика проектирования геополитии. Нужны рационально ориентированные и квалифицированные партийные «штабы власти» или мощная интуиция какого-либо харизматического лидера, который в состоянии порвать с прошлым и обеспечить единую волю тех, кого он из этого прошлого собирает (обещает) вывести. Допустим, что либо то, либо другое в наличии есть. К сожалению, и этого мало, потому что проектная стратегия таит в себе имманентные опасности: проект, как говорится, «сам свое самое слабое место».

Конструктивистский волонтаризм — как бюрократический, так и харизматический — может оказаться не менее опасным, чем попытки воплотить в жизнь самообраз, сконструированный в нарративе. Проектнический конструктивизм, как считают (и не без оснований) радикальные либералы типа Ф. Хайека, рождает «нежизненные формы» и, в конечном счете, понижает экономичес-

кую (энергетическую, информационную и даже экологическую) эффективность общества.

Нарратив и проект должны быть эмоционально мобилизующими, но как можно менее технически обязывающими и детализированными. Их место — в геральдическом наборе, рядом с гербом и флагом. По своей риторике проект должен приближаться скорее к лозунгу и бренду, чем к инструкции или технической спецификации. И проектный императив не должен идти вразрез с системным императивом, исходящим от мирового сообщества. Системный же императив ставит перед всеми государствами только одну задачу — *не стать очагом международной напряженности*. Именно этого ждет от них глобальная система, не заинтересованная в чрезмерной структурной геополитической динамике. Как показывает мировая практика, геополитическая общность, не способная обеспечить свою стабильность, поддежит изоляции, а в крайнем случае и демонтажу. Демонтаж геополитии, как правило, провоцируется ею самой. Международное сообщество (или его мандатарий, или тот, кто присваивает себе мандат с молчаливого согласия сообщества) выступает лишь в роли окончательного гаранта безопасности в ходе этого демонтажа (самораспада) на безгосударственной территории (Афганистан, Сомали)**.

* С этим связан раскол русского национализма на экспансионистское и изоляционистское направления. В этом отношении Россия сейчас напоминает США. Однако американское общество еще может пережить такой раскол благодаря эффективной конституционной традиции, российскому же обществу его конституционная традиция вряд ли поможет. — *Прим. авт.*

** Споры о том, имело ли право НАТО разрушать Югославию, представляются бессмысленными. Югославия превратилась в опасный очаг нестабильности, что и послужило причиной натовского вмешательства. Точно так же и американская акция в Ираке 2003 г. оправдана лишь постольку, поскольку будет (если будет), в конце концов, доказано, что режим С. Хусейна служил источником опасности. — *Прим. авт.*

В самом общем виде *проект новейшего государства состоит в том, чтобы выжить*. Для новейших геополитий проект важнее, чем нарратив, но повседневная политика важнее проекта. Известная метафора Э. Ренана гласит: нация — это ежедневный референдум. Иными словами, нация представляет собой исключительно хрупкую и даже эфемерную субстанцию — сегодня она есть, завтра ее нет. Перефразируя эту метафору, мы можем сказать: новейшее государство — это ежедневный эксперимент.

Это означает, что ситуативно-историческая политическая общность под названием «Украина» или «Россия» ежедневно экспериментальным путем возобновляет свою легитимность, то есть сохраняет некий конструктивно достаточный минимум лояльности населения и, следовательно, свою стабильность. Ее либо удастся сохранить, либо нет. И если это будет удаваться раз за разом, тогда и возникнет то, что продолжит существовать под названием «Украина» или «Россия». Эти «Украина» и «Россия» будут иметь свою нишу в глобальной сетевой системе, иначе говоря, свою «миссию» и «уникальность». При этом они могут оказаться неузнаваемыми и неприемлемыми для нынешнего поколения, но кого интересует его мнение — ведь жить-то тогда будут совсем другие люди. Мог бы немец или японец конца XVIII в., попав в наше время, узнать и полюбить современную Германию или Японию? Можно предположить, как он чувствовал бы себя — как старик Хоттабыч на стадионе «Динамо».

Как долго будет длиться экспериментальная фаза? Видимо, отныне она вообще никогда не закончится ни для одного государства. В любом случае, ни Украина, ни Россия пока из этой фазы не вышли. Стратегия экспериментирования имеет, ве-

роятно, множество правил. Приведем только одно из них: не следует декларировать то, что не знаешь, как реализовать. А это, прежде всего, означает *не увлекаться нарративным самоутверждением*.

«Дан приказ ему на запад»?

Страны и народы в отношениях друг с другом вполне могут стать заложниками *«мифологического императива»*. Существует ли связь между российско-украинскими препирательствами на поле нарратива и противоречиями в сферах геополитических и экономических интересов двух государств? Какой конфликт первичен: престижно-нарративный, материально-денежный или геополитический?

«Все эти споры насчет истории — это все дело горстки националистических интеллектуалов, — утверждает В. Горский. — Простые люди, как украинцы, так и русские, к этому совершенно безразличны» [см.: Lieven 1999: 138].

К числу пороков украинской политики, наряду с недостатком институтов и слабым контролем общества над государством, эксперты относят *деструктивные действия элит* [Grzymala-Busse, Johns 2002: 537; Gallina 2006: 141]. Манипуляции нарративом в престижно-статусных целях и есть одно из таких действий. Именно этим и занимается вышеупомянутая «горстка интеллектуалов».

На наш взгляд, в настоящее время российско-украинские препирательства на поле нарратива — это оркестровка в пропагандистских целях других конфликтов, возникающих из-за территории, ресурсов, рынков, ренты и пр. Но даже в этом случае они со временем, став привычными, могут превратиться из фактуры порожденной в фактуру порождающую.

На самом деле практика самоопределения государств и народов, их геополитические и экономические интересы находятся в круговой зависимости, попеременно генерируя друг друга.

Судя по схватке, развернувшейся вокруг снабжения российским газом Украины и его транзита в Европу через украинскую территорию, трудно утверждать, что между двумя странами нет геополитических и экономических противоречий. Но, возможно, они появились или, по меньшей мере, обострились под влиянием мифологии самоопределения? Было бы неосторожно утверждать категорически, что конфликт из-за трубы надуман и вторичен, но от подозрения, что это все-таки так, тоже нелегко избавиться.

В статье, специально подготовленной для влиятельной британской деловой газеты «Файнэншл Таймс», министр промышленности и энергетики РФ В. Христенко раззьяняет российскую энергетическую политику так: «Россия отказывается от советской практики субсидирования цены на энергию для своих соседей и переходит на рыночное ценообразование... Мы переходим к рыночной экономике, а нас обвиняют в политизации энергетики... 15 лет после роспуска СССР мы субсидировали бывшие советские республики, продавая им энергию за четверть среднемировой цены. Этому должен прийти конец, тем более что освобождение цен и прекращение субсидий потребителям энергии есть условие приема России в ВТО». И далее, что особенно важно: «Наш план проложить североевропейскую трубу под Балтийским морем — это попытка диверсифицировать пути снабжения Европы газом» [Khristenko 2006].

Все это выглядит в высшей степени разумно, но у Запада несколько иная точка

зрения: «Международное энергетическое агентство (IEA) [считает, что] если Россия хочет остаться главной энергетической державой мира, а Газпром — обеспечивать газовую безопасность Европы и Азии, ему стоит иначе тратить деньги. Вкладывать не в покупку активов и прокладку новых труб, а в разработку месторождений и сокращение потерь. Но правительство России, которому адресован совет, не склонно им пользоваться» [см.: Петрачкова, Филиппов 2006].

Таким образом, совсем не обязательно ставить под сомнение аргументы Христенко, чтобы увидеть иррациональность энергетической политики Москвы. Эту иррациональность можно объяснить по-разному. Одно из возможных объяснений заключается в неприменном желании России оказать давление на Украину или, во всяком случае, наказать ее за то, что она декларирует намерение дрейфовать в сторону Запада, в зону влияния Евросоюза и НАТО, вплоть до вхождения в их структуры.

Идея оторвать Украину от России издавна культивировалась в военно-дипломатических кругах государств, находившихся в острой фазе геополитической конкуренции с Петербургом–Москвой. Они и использовали «украинскую карту» в борьбе против России. Это же усиленно рекомендовал так называемый немецкий «остфоршунг», колебавшийся между планами создания на границе с Россией санитарного кордона из буферных государств и колонизацией славянских земель (Гитлер довел эти планы до зловещего абсурда). Когда место Германии на восточноевропейском геополитическом разломе занял Вашингтон, СССР казался нерушимым монолитом, и об «украинской карте» просто забыли. Только украинские эмигранты в Америке упорно продолжали

ее разыгрывать, поскольку не видели для себя никакой иной роли.

После того, как Украина и Россия без видимого участия внешних сил все-таки разделились на две геополитии, нашлось немало охотников углубить этот раскол. Так, З. Бжезинский не устает повторять как заклинание, что Россия без Украины лучше, чем с Украиной. С аналогичными высказываниями выступает и бывший польский президент А. Квасьневский.

Однако сегодня аргументировать этот геополитический тезис намного труднее, чем раньше. Изменилась военно-дипломатическая обстановка, в Европе (включая, разумеется, Россию) воцарилась пацифистская атмосфера. Классические геополитические аргументы в пользу отрыва Украины от России теперь выглядят абсолютным анахронизмом.

Только несколько влиятельных американских «мозговых центров», исповедующих «демократический фундаментализм» (по выражению Г. Маркеса), продолжают поддерживать концепцию отрыва Украины от России, превращая ее, по сути, из геополитической в геоидеологическую. В их схеме Украина оказывается чем-то вроде «форпоста демократии» на востоке американского мессианского сознания. «Для иностранных наблюдателей оранжевая революция — вот она, решающая битва между Россией и “объединенным Западом” за стратегическое влияние на последнюю не до конца определившуюся страну “большой Европы”... — пишет Ф. Лукьянов. — Москва со свойственной российской политике откровенностью с самого начала не скрывала геополитического характера баталии, а, напротив, его подчеркивала. Западные столицы тщательно избегали подобных аллюзий, упирая на ценности демократии, однако геополитические “уши” то и дело

вылезали и в комментариях прессы, и в высказываниях политиков» [«Новое время» 13.08.2006].

Вместе с тем вопрос о вступлении Украины в Евросоюз и НАТО на повестке дня не стоит. Дальнейшее расширение ЕС не планируется. Украина включена в несколько схем европейского сотрудничества («Action Plan», «Partnership and Co-operation Agreement», «Wider Europe Initiative», «European Neighbourhood Policy»), но все они не предусматривают последующего вхождения в Союз, а, напротив, задуманы как альтернативные [Gallina 2005: 203]. По свидетельству наблюдателей, влиятельные круги в ЕС продолжают считать Украину «задворками России». «Многие западноевропейские политики втайне радуются, что Украина по многим параметрам просто не проходит экзамен в ЕС, что избавляет их от серьезных политических решений» [Gallina 2005: 209]. Тем не менее публичное обсуждение проблемы присоединения Украины к Евросоюзу само по себе — важный элемент российско-украинских отношений.

Результатом стремления украинских политиков к «евроатлантической интеграции» стало охлаждение российских властей к любым формам сотрудничества с Украиной, в том числе в сфере ВПК [Барабанов 2006]. По сообщению газеты «Ведомости», Санкт-Петербургское ОАО «Климов» уже приняло решение перенести сборку авиадвигателей из Украины в Санкт-Петербург. Эксперты считают, что оно продиктовано политическими соображениями [«Ведомости» 20.08.2007]. Разрыв этих связей может оказаться для Украины невосполнимой потерей, во всяком случае, в среднесрочной перспективе. Расчет же украинских предприятий на европейского заказчика наивен, поскольку в самой Европе ВПК переживает спад.

В действительности не совсем ясно, стоит ли Украине цепляться за слишком глубокое разделение труда (узлы и детали) с российским ВПК, будущее которого остается под вопросом. Более определенным экономическим ущербом для нее чреват переход на новый режим газоснабжения и попытки перестроить систему транзита российского газа, спровоцированные разговорами о «западных устремлениях» украинцев.

Стоило ли Украине так определенно заявлять о своем желании вступить в ЕС и НАТО? И должна ли была Россия так реагировать на это заявление? Иными словами, был ли рациональный смысл в действиях двух государств?

С одной стороны, экономические выгоды и невыгоды присоединения Украины к ЕС не поддаются рациональному исчислению. Если она вступит в ЕС сейчас, то, скорее всего, положение населения на какое-то время ухудшится, но затем, напротив, станет лучше. Промежуточные результаты будут различаться для разных районов и социальных групп. То же самое произойдет и в случае, если Украина не вступит в ЕС. Важнее всего то, что любое решение будет иметь непредсказуемые и неконтролируемые побочные эффекты.

С другой стороны, российско-украинские экономические связи совсем не обязательно разрывать только из-за того, что Украина будет членом Евросоюза и НАТО. Сохранение этих связей, напротив, будет означать развитие отношений самой России с ЕС. По мнению аналитика Б. Джексона, «членство Украины в европейских структурах объективно сделает европейский рынок ближе для россиян» [см.: Волошин 2006]. Джексон явно лоббирует желание (Пентагона? чье-то еще?) включить Украину в НАТО, но его сообра-

жение вовсе не беспочвенно, каковы бы ни были его мотивы.

При обсуждении вопроса о вступлении Украины в ЕС экономические соображения играют важную, но не решающую роль. Стороннему наблюдателю нетрудно заметить иную мотивацию украинских евроэнтузиастов, которая диктуется «мифологическим императивом».

Нарратив, выработанный для достижения независимости, всячески противопоставляет Украину как наследницу Киевской Руси и, в силу этого, часть Запада России — как наследнице Орды и восточной деспотии. При этом усиленно подчеркиваются униатско-католический характер Западной Украины, «главного агента» украинского национализма, а также «австрийское» и «польское» прошлое части нынешней Украины. Такой нарратив навязывает Украине дальнейший дрейф в сторону Запада — как бегство из «москальского плена», отмежевание от своего «антипода» (он же «двойник», по Р. Жирару) и возвращение в лоно материнской цивилизации.

«Мифологический императив», в сущности, иррационален даже независимо от того, много или мало в нем правды об украинском «европействе». Но и этот иррациональный мотив к дальнейшему дрейфу от России — не самый глубокий слой в геополитическом сознании Украины. Есть еще один слой. Он не артикулирован, и о нем наблюдатель может только догадываться.

Рядовой житель Украины в свое время выбрал независимость не потому, что страстно мечтал о жовто-блакитной субстанции. Очевидно, он думал, что это избавит Украину от экономической зависимости от России и улучшит его материально-бытовое положение. Если этого не

произойдет, предупреждал И. Прицель еще в 1998 г., то Украине придется выбирать между перонизмом и фактической федерализацией. С учетом явно выраженных региональных различий и кланового характера политической структуры второй вариант представлялся Прицелю более вероятным. В то же время он не исключал и того, что Россия может попытаться «бифуркировать» Украину [Prizel 1998: 421].

Опасения украинского общества по поводу возможной реализации этих сценариев рождают надежды на то, что, попав в Евросоюз, Украина сможет избавиться от бремени избыточного суверенитета и под евросоюзным «зонтиком» избежать выработки формулы геополитического единства своего ситуативно-исторического государства.

Чужой опыт в этом плане весьма поучителен. В настоящее время Украина находится на той же исторической траектории, что и восточноевропейские государства. Она и стилизует себя под них. Но ей не стоит забывать, что срок жизни этих государств оказался исторически ничтожным. Их суверенитет между двумя мировыми войнами был весьма эфемерным. После Второй мировой войны с ним было покончено: все они оказались «клиентами» Москвы, а как только освободились от советского геополитического и идеологического контроля, сразу же были включены в Евросоюз.

В контексте и понятиях прошлой эпохи восточноевропейские страны вообще никогда не были суверенными. Нынешние критерии суверенности уже, конечно, не те, что были 100 или даже 50 лет назад. Но, в любом случае, все восточноевропейские государства, возникшие в результате выхода из более обширного (имперского или, если угодно, субглобального) геополити-

ческого образования, сохранили сильную инерцию «системности», а, следовательно, и тенденцию к возвращению в «систему». Большинство новейших государств, несмотря на риторику и изобретательное использование своего юридического суверенитета, готовы были бы вновь включиться куда угодно, если бы только нашлись желающие взять их под общую крышу или даже опеку. Однако в современную эпоху «система» не столько стремится лишиться кого-то суверенитета, сколько буквально навязывает его, вмешиваясь, и то крайне неохотно, только там, где существует, или кажется, что существует, угроза международной безопасности.

Опыт восточноевропейских государств внушает Украине, что ее судьба — стать частью субглобального системного образования более высокого ранга. Во всяком случае, украинский политический истеблишмент подосознательно убежден в этом, видя перед собой дилемму: либо он сумеет встать под евросоюзный «зонтик», либо роковым образом окажется вынужден включиться в постсоветское пространство, которое представляется ему по инерции зоной исключительно московской супрематии.

Возможно, эти опасения не лишены оснований. Москва тоже находится в плену геополитической инерции. Отсюда — ее постоянные напоминания о том, что Украина должна выбирать: «или с нами, или против нас». На саммите глав государств-участников Евразийского экономического сообщества в Сочи в 2006 г. российский премьер М. Фрадков заявил украинскому премьеру В. Януковичу, присутствовавшему на встрече в качестве гостя, что Россия заинтересована в присоединении Украины к сообществу. Выступая на официальной церемонии принятия Узбекистана в Орга-

низацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ), В. Путин подчеркнул, что ОДКБ должна дополнять Евразийское сообщество. Очевидно, одним участием в проектах экономического сотрудничества дело ограничиться больше не будет. Ключевые требования Москвы к украинскому правительству — отказ от планов вступления в НАТО и переориентация на ОДКБ [«Эксперт. Украина» 19.08.2006].

Как видим, Украине внушают, что она больше не может «сидеть на двух стульях». Но именно такое «сидение» ей сейчас наиболее выгодно. Как полагает Л. Шевцова, «украинский политический класс уже перерос рамки подобного рода выбора, который характерен для российского политического класса, привыкшего мыслить линейно». Если так — прекрасно. Но как в этом случае Украина собирается «сидеть на двух стульях»? «Украинскую элиту не удовлетворяет и кучмовский вариант многовекторности, который заключается в том, чтобы делать одновременные зигзаги в сторону Запада и России, — продолжает Шевцова. — Украина ищет такую формулу, которая бы облегчала ее политическое движение на Запад, но при этом позволяла бы использовать отношения с Москвой для того, чтобы сделать свою интеграцию в Европу менее болезненной. ...Не исключено, что именно Украине уготована та роль моста между цивилизациями, которую предлагает России ее министр иностранных дел Лавров» [Шевцова 2006].

И Украина, и Россия, и, между прочим, Турция любят рассуждать о своем промежуточном положении между Европой и Азией и предлагать себя на роль «моста». Эта метафора, возможно, отвечает целям возвышенной самоидентификации и пропаганды, но как ее реализовать, никто толком до сих пор не сказал. Единствен-

ный реальный проект, прямо вытекающий из метафоры «моста», — это проект сверхмощного транспортного коридора, рассматриваемый Москвой в качестве «большого национального проекта».

Заметим, что использование данной метафоры чревато еще одним конфликтом статусно-престижного характера. Шевцова провоцирует этот конфликт или же поддается на провокацию, когда пишет, что Россия, якобы, думает, что она «мост», на самом же деле этот «мост» — Украина. Происходит, в сущности, подстановка «моста» на место «Европы».

Украина пока не стала выбирать между Россией и Западом, и, как считает А. Мотыль, «было бы безрассудно, если бы она это сделала» [Motyl 2003: 29]. В действительности, выбор между Евросоюзом и Евровостоком — ложный выбор. Во-первых, пока Украина выбирает, обе Европы могут интегрироваться в нечто совсем новое и вновь обособиться в рамках этой системы по параметрам, которые уже просматриваются в концепциях «Европы двух скоростей», «Европы трех кругов» и т.п. Причем все, что когда-то находилось в зоне Советского Союза, туда же и попадет.

Во-вторых, этот выбор не обязателен просто потому, что помимо вступления в ЕС или восстановления совместного российско-украинского модуля существует третья возможность: войти в мировое сообщество напрямую, в одиночку. На пути к такому геополитическому позиционированию сегодня находятся самые разнообразные государства, по большей части небольшие и богатые, напоминающие скорее акционерные компании, чем привычные нам «страны-государства» [см.: Кустарев 2006–2007]. Этот путь не заказан никому. Так, новый премьер-министр Великобритании Г. Браун объясняет свой

евроскептицизм тем, что Британии лучше принадлежать миру в целом, чем закрытой субглобальной структуре (Евросоюзу).

Аналитики утверждают, что глобальная система превращается из *ячейковой* (сотовой) структуры в *клубковую*. Но если так, то новейшим государствам, видимо, нет никакого смысла проходить через фазу соседских отношений типа «вестфальских» или через блоки федеративного типа (та-

ким, в сущности, был СЭВ) и полнокровные федерации. Теперь они могут включаться в разные сети, стараясь добиться того, чтобы эти сети без них не могли бы выжить или хотя бы стали с ними более эффективными, чем без них.

Такова не просто увлекательная проектная задача, но, возможно, и судьба таких стран, как Украина и — не побоимся сказать — сама Россия.

п р и м е ч а н и я

Афанасьева Е. 2005. Государство или революция. М.

Барабанов М. 2006. Украина–Россия: ссора с работодателем // «Ведомости», 20.07.

Бочковский И.О. 1918. Національна справа. Статі про національне питання в звязку з сучасною войною. Відень (Вена).

«Ведомости», 2006, 16.07, 17.07; 2007, 20.08.

«Взгляд», 2006, 29.07.

Волошин О. 2006. Нейтралитета не получится // «Эксперт. Украина», 14.08.

Две Руси. 2004 / Ред.

Л. Ившина. Киев.

Западные окраины Российской империи. 2006 / Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.

Кустарев А. 2006–2007.

Структурная геополитическая динамика: Ближний Восток // «Космополис», № 2(16).

Ліпа Ю. 1954. Розподіл Росії. N.Y.

«Новое время», 2006, № 32, 13.08.

Петрачкова А., Филиппов И. 2006. IEA считает, что Россия и Газпром неверно развивают газовую отрасль // «Ведомости», 20.07.

Родин С. 2006. Отрекаясь от русского имени. М.

Шевцова Л. 2006. Украина и Белоруссия: Российские мифы // «Ведомости», 29.03. «Эксперт. Украина», 2006, 19.08, № 32.

Gallina N. 2005. Beyond the Eastern Enlargement of the European Union // Hayoz N., Lushnycky A. (eds.) Ukraine at a Crossroads. Bern.

Gallina N. 2006. Staat, Institutionaler Wandel und staatliche Leistungsfähigkeit in der Ukraine. Bern.

Grzymala-Busse A., Johns P. 2002. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-

Communism // «Politics and Society», № 4.

Kristenko V. 2006. Energy Collaboration Is Free From Soviet Ghosts // «Financial Times», 07.05.

Kuzio T. 2001. Identity and Nation Building in Ukraine // «Ethnicities», vol. 1, № 3.

«Le Monde», 2001, 05.11.

Lieven A. 1999. Ukraine and Russia. A Fraternal Rivalry. Washington, DC.

Motyl A. 2003. Ukraine, Europe and Russia: Exclusion and Dependence? // Lieven A., Trenin D. (eds.) Ambivalent Neighbours. Washington, DC.

Prizel I. 1998. National Identity and Foreign Policy. Nationalism and Leadership in Poland, Russia, and Ukraine. Cambridge University Press.

Riabchuk M. 2003. One State, Two Countries? // «Transit», № 23 (<http://www.iwm.at/t-23tx8.htm>).